

СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ: 1920–1950-Е ГОДЫ

Исакиева З.С., к.и.н., доцент

Чеченский государственный педагогический университет
Грозный, Россия

Политические репрессии в СССР явились трагической вехой в истории страны. Они нанесли непоправимый ущерб экономике, культуре, генофонду советского народа. Современное общество нуждается в правдивой истории, не отягощенной идеологическими установками и политизированными оценками. Трагические страницы XX в. обязаны стать частью общей национальной памяти. Правильное и взвешенное осмысление их уроков должно явиться важным условием становления гражданского общества в стране [1, с.3].

Таким образом, рассматриваемая тема сохраняет свою актуальность и, несомненно, нуждается в дальнейшей разработке.

Репрессивная политика советского государства началась в 20-х гг. прошлого века с репрессий в отношении отдельных категорий населения. На X съезде Компартии, состоявшемся в 1921 г. тюркизм и исламизм были отнесены к проявлениям «буржуазно-демократического национализма». Уже в середине 1920-х годов стало ясно, что многие обещания большевиков оказались декларативными, а различные «форсированные меры» по проведению коллективизации, изменению системы образования, преследование духовенства, верующих, запрещение шариатских судов, и т.д. - вызывали недовольство на местах. Все это привело к тому, что массовые политические выступления на Кавказе с установлением советской власти не только не закончились, но, наоборот, развернулись с новой силой.

20 марта 1925 года принят декрет ЦИК и СНК СССР о лишении бывших помещиков права на землю и имущество. 22 июня вышла инструкция о порядке выселения и ликвидации их имущественных отношений. **Руководствуясь этими постановлениями местными органами** принимались решения о выселении знати, духовенства, купечества и офицерства за пределы Кавказа **иконфискации всего имущества**. У менее зажиточных конфисковывались домовладения, их переселяли внутри автономии **в условия, «приближённые к сельской бедноте»**. Так, во избежание репрессий семья купца второй гильдии Шахбота Измайлова добровольно сдала комиссии своё движимое и недвижимое имущество. Зажиточные семьи, не сделавшие этого, подверглись репрессиям и выселению [2, с.32-37].

Центральными властями страны планировалось проведение коллективизации в 1932-1933 годах. Однако местное руководство решило отрапортовать о выполнении этих планов досрочно и начало процесс в 1929 году. Ответом на принудительную коллективизацию стало восстание. Жители Урус-Мартана так ответили на вопрос о причинах своих действий: В Урус-Мартане у нас отобрали весь хлеб и объявили, что пока мы не сдадим хлеб, они (местные власти) закрывают мечеть. У того, у кого нет хлеба, отбирают скот, у кого не осталось скота, отбирают одежду. Лучше умереть в горах с оружием в руках, чем оказаться без брюк вГПУ. Массовое насилие над народом вновь поставило значительную часть населения вне закона, положив начало перманентному повстанческому движению в горных районах республики, где одно восстание следовало за другим [3].

В 1920-1930-е годы представители многих северокавказских народностей (т.н. кулацкие хозяйства) выражавшее недовольство на религиозной почве, неудовлетворенные аграрной политикой и образом правления, и к тому же классифицированное как кулаки, подверглись репрессиям. И, естественно, что это не могло не вызвать ответной реакции со стороны кавказских народов, никогда, как свидетельствует история, не отличавшихся лояльным отношением к центральной российской власти.

Так, крупные вооружённые выступления произошли в Чечне в селениях Гойты (1929г.), Шали (1929г.), Беное (1930 г.), Галан-Чоже (1930г.), нашедшее отклик в Дагестане. Повстанческие движения, имевшие место в Чечне, Дагестане действовали под лозунгами:

«Освобождение народа из-под власти Советов», «Долой колхозы». Советские войска подавляли восстания, арестовывая участников и беря в заложники местных жителей.

В марте 1932 года вспыхнуло крупное восстание под началом Имама Муцу Шамилева, Усмана Ушхаева, Истамулова и ДадыКебетова в Ножай-Юртовском районе Чечни. В 1934 году выступления против советской власти еще более активизировались. В результате под предлогом борьбы с кулаками из Дагестана были высланы 450 хозяйств, из Чечни - 450, из Кабардино-Балкарии - 250, из Северной Осетии - 150, из Карачаевской области - 150, из Черкесской области - 50.

21 мая 1936 года СНК СССР за № 911 принимает постановление «О переселении 1000 кулацких хозяйств из Дагестана и Чечено-Ингушской области» - тысячи человек были высланы в Киргизскую ССР [4, с. 164-166].

Вместе с тем ужесточилась борьба против инакомыслия, и заработал механизм беспощадной репрессии - карательные меры, применяемые государственными органами под предлогом защиты и сохранения существующего строя. Все эти мероприятия партии и советского правительства вошли в историю под названием сталинские репрессии, массовые репрессии, массовый террор, и стали составной и сопутствующей частью формирования и утверждение тоталитарного режима советского государства. Цель всех этих репрессий - уничтожение потенциальных и возможных противников, а также устрашение народа [5, с.141-143].

В 1929-1930 годах в СССР прошла массовая кампания по закрытию мечетей. Она проводилась в рамках коллективизации. В апреле 1929 года выходит постановление «О религиозных объединениях», которое становится юридическим основанием для преследования верующих и ликвидации объектов религиозного культа. Закрываются мечети, упраздняется религиозное образование, запрещается чтение религиозной литературы. Вместо арабской письменности, использовавшейся национальной интеллигенцией, национальным меньшинствам была навязана письменность на базе латиницы, которая впоследствии была заменена на кириллицу. Была уничтожена почти вся духовная элита чеченцев и ингушей. Было объявлено о начале в 1932 году «Безбожной пятилетки», согласно планам которой в 1937 году должны были быть закрыты все религиозные учреждения.

О достигнутых в ходе этой пятилетки результатах в апреле 1937 года председатель Грозненского горсовета Хрисанф Чернокозов докладывал комиссии по вопросам культа при Президиуме ВЦИК. В докладе говорилось, что за годы пятилетки в Грозном было разрушено 10 религиозных строений из 16, среди которых и единственная чеченская мечеть. К тому времени в городе сохранились две синагоги, польский костёл, православная церковь, православный молельный дом, иранская мечеть [6, 34].

Согласно разнарядке генерального комиссара госбезопасности Н. И. Ежова, доля врагов народов в каждом регионе страны составляла 0,1-0,15 %. Исходя из этих цифр в местные органы ОГПУ спускались «лимиты», которыми они должны были руководствоваться при проведении репрессий. Перевыполнение лимитов поощрялось наградами и званиями. Благодаря превышению лимитов нарком внутренних дел Чечено-Ингушетии Н. И. Иванов считался одним из лучших региональных руководителей НКВД в стране, что, однако, не спасло его от расстрела в 1940 году.

В 1937 г. Георгий Маленков один из ближайших соратников Сталина и фактический лидер страны. заявил второму секретарю обкома ВКП(б) Чечено-Ингушетии Хаси Вахаеву: «В Чечено-Ингушетии каждый второй коммунист - враг народа, а каждый третий чеченец или ингуш - бандит». И дал один месяц срока, чтобы представить в ЦК список тех и других [7, с. 493].

Приказы руководства обязывали местные органы вскрывать всевозможные диверсионно-подрывные организации. Для придания видимости законности такие организации выдумывались на местах. За поимку «диверсантов» и «вредителей» сотрудники получали награды. Те сотрудники, которые делали это, с точки зрения начальства, недостаточно энергично, сами попадали под каток репрессий [2, с.61-64].

Политика коренизации кадров, начатая в 1920-х годах, осуществляла подготовку национальных кадров и их продвижение на руководящие позиции, формирование национальной интеллигенции. Местным руководством было запланировано довести долю национальных кадров в государственном аппарате до 60%. Кроме того, предполагалось ликвидировать безграмотность, ввести преподавание в национальных школах на родном языке, ввести национальные языки в программу на всех уровнях образования, от начального до высшего, и т. д. В начале 1937 года коренизация госаппарата была доведена до 70% [8].

1 августа 1937 года по заранее составленным спискам НКВД по всей республике прошла «генеральная операция по изъятию антисоветских элементов». Были репрессированы кадры, выдвинутые на руководящие посты по итогам политики коренизации. В результате чистки было арестовано 14 тысяч человек (что составляло около 3 % населения республики на тот момент [9, с.133]), которые в дальнейшем были частично расстреляны, частично отправлены в ссылки [8].

В сентябре 1937 года в газете «Правда» вышла статья «Буржуазно-националистический клубок в Чечено-Ингушетии», в которой утверждалось, что в руководстве республики засели «буржуазные националисты». В октябре того же года в республику прибыл секретарь партколлегии ЦКК ВКП(б) Матвей Шкирятов.

10 октября прямо на заседании Пленума обкома все присутствовавшие чеченцы и ингуши были арестованы. Им предъявлялись различные обвинения: от измены родине до шпионажа. Затем приказ об аресте был распространён на всех горцев: от председателя правительства республики до руководителей сельсоветов. Так, в октябре 1937 г. было арестовано 30 из 76 членов и кандидатов в члены Чечено-Ингушского обкома ВКП (б), 20 из 28 секретарей райкомов партии, 77 членов райкомов партии, 192 руководящих работника сельских районов, а также руководители крупнейших промышленных предприятий Грозного.

В 1937 г. был арестован партийный и советский работник Чечено-Ингушетии по делу о «чеченском буржуазно-националистическом центре», несмотря на то что в то время не жил в Чечено-Ингушетии, а работал преподавателем Московского педагогического института им. А. Бубнова. Чистки продолжались до ноября 1938 года. В результате этого этапа репрессий было арестовано, по некоторым данным, около 200 тысяч человек. Полностью была разгромлена республиканская писательская организация. Из 12 членов Союза писателей Чечено-Ингушетии были арестованы 9, осуждены 7 человек, четверо из них - С. Бадуев, А. Дудаев, Ш. Айсханов, С. Озиев - приговорены к расстрелу. Известные чеченские писатели (Халид Ошаев, Магомед Мамакаев и Арби Мамакаев) получили длительные сроки заключения.

В 1938 г. сняты с работы почти все заведующие земельными отделами районных органов власти Чечено-Ингушетии: 14 директоров машинно-тракторных станций из 18; 19 председателей райисполкомов; 22 секретаря районных комитетов ВКП (б).

В 1939 г. происходит новая волна репрессий, затронувшая 21 председателя райисполкомов, всех заведующих районными земельными отделами.

В числе пострадавших были высшие партийные и советские работники Чечено-Ингушетии, например: Абдул-Халим Саламов, Абдул Вагап Тепсаев, Саид Казалиев и другие. Был репрессирован А. Мутушев - чеченский адвокат, публицист, общественный и политический деятель, подполковник царской армии, участник русско-японской войны. Очень скоро среди жертв репрессий оказались и те, кто сам еще недавно арестовывал и судил «врагов народа».

1940-е годы началась вторая волна репрессий. Был продлён срок осуждённому ещё в 1932 году Саидбею Арсанову. Почти 18 лет провёл в ссылке в городе Игарка Магомед Мамакаев, по 15 лет в лагерях Магадана провели Халид Ошаев, 14 лет там же провёл Арби Мамакаев [10].

Апогеем репрессий в республике стали депортация чеченцев и ингушей и ликвидация Чечено-Ингушской АССР. Депортация чеченцев и ингушей, осуществленная 23 февраля 1944 г. стала самой масштабной акцией такого рода в СССР: в её ходе, по разным данным,

было выселено до 650 тысяч человек [11, с.196-201]. По оценкам Д. М. Эдиева, потери от депортации составили 125 477 чеченцев (30,76 % от числа депортированных) и 20 284 ингуша (21,27 %) [12, с.294].

Грозненская область Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована, а на её месте образована Грозненская область. Для осуществления депортации на несколько месяцев были привлечены до 19 тысяч сотрудников НКВД и НКГБ, 100 тысяч солдат внутренних войск (больше, чем на некоторые фронтовые операции). Для перевозки выселяемых было собрано более 15 тысяч вагонов и сотни паровозов, 6 тысяч грузовых автомобилей. Были затрачены огромные средства на встречу и размещение «спецконтингента». В местах депортации были созданы сотни комендатур с тысячами сотрудников в офицерских званиях. Были разорены примерно 100 тысяч крестьянских хозяйств, что нанесло экономике страны ущерб в несколько миллиардов рублей. Только перевозка спецпереселенцев стоила государству 150 млн рублей, на которые можно было построить 700 танков Т-34[13, с.836].

Таким образом, никакие геополитические и государственные интересы не могут оправдать политические репрессии и массовые нарушения прав человека, проведённые тоталитарным советским режимом в период 1930-1940-х годов. Более того, репрессивная политика показала свою стратегическую недалёковидность и неэффективность, что стало очевидным в свете анализа социально-экономических и политических процессов последних десятилетий.

Список литературы:

1. Дендиев К. Г. Политические репрессии в Чечне 1920-1930-х гг.: предпосылки и динамика развития: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Грозный, 2019. - 29с.
2. Яндиева М. Д., Мальсагов А. Д. Государственный террор в Ингушетии в 20 - 50-е годы XX века. Исследование и Мартирологи. - М.: ООО «Алмаз», 2007.- 272с.
3. Гакаев Д. Ж. Чечня. Как это было. Сталинские репрессии 30-годов в Чечне. <https://www.checheninfo.ru/12441-stalinskie-repressii-30-godov-v-chechne.html> (дата обращения 04.05.2025)
4. Коллективизация и антиколхозные выступления в Дагестане (1927 - 1940). .Документы и материалы. Составитель: Какагасанов Г.И. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. - 268 с.
5. Алиева С.И. Из истории сталинских репрессий на Кавказе // Современная научная мысль. - Москва, 2013. С.138-151
6. Ибрагимов М. М. Антирелигиозная политика в ЧИАССР в конце 1950-х - начале 1960-х гг. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. - 2019.- №1 (44).С.32-39.
7. Авторханов А.Г. Мемуары Директмедиа Пабблишинг. 2018. - 664 с.
8. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). - М.: Наука. 2001. - 552 с.
9. Политика коренизации в Чечне и Ингушетии в советский период // В.А. Тишков. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны [Электронный ресурс] // <https://clck.ru/3B782B> (дата обращения: 12.05.2025).
10. Дениева М. Б., Дикиева П.Э. «Большой террор» в Чечено-Ингушетии во второй половине 30-х гг. XX в. <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshoy-terror-v-checheno-ingushetii-vo-второй-polovine-30-h-gg-xx-v> (дата обращения 06.05.2025).
11. Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. - М.: Центрполиграф, 2012.- 479с.
12. Эдиев Д. М. Демографические потери депортированных народов СССР. - Ставрополь: СтГАУ «Аргус», 2003. - 336 с.
13. Ахмадов Я. З., Хасмагомадов Э. Х. История Чечни в XIX-XX веках. - М.: «Пульс», 2005. - 996 с.